

ВЕРА БОГДАНОВА

ВЕРА БОГДАНОВА

СЕЗОН
ОТРАВЛЕННЫХ
ПЛОДОВ

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Дизайн *Виктории Лебедевой*

В оформлении переплета использовано фото
Светы Мишиной

Издательство благодарит литературное агентство
«*Vanke, Goumen & Smirnova*» за содействие
в приобретении прав

Богданова, Вера Олеговна.

Б73 Сезон отравленных плодов : роман / Вера Богданова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 348, [4] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-146807-1

С ранних лет Жене говорили, что она должна быть хорошей: выучиться на переводчика, выйти замуж, родить детей. Теперь ей под тридцать, ни мужа, ни детей — только проблемы с алкоголем и непреодолимая тяга к двоюродному брату.

Даша, как ее мать, не умеет выбирать мужчин. Она ищет похожих на отца, пьющих кухонных боксеров, и выходит замуж за одного из них.

Илья боится не быть настоящим мужчиной. Зарабатывать нужно лучше, любить семью — больше, да только смысл исчез и жизнь превратилась в день сурка.

Новый роман Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» — о поколении современных тридцатилетних, выросших в хаосе девяностых и терактах нулевых. Герои романа боятся жить своей жизнью, да и вообще — можно ли обрести счастье, когда мир вокруг взрывается и горит?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Богданова В.О.
© Мишина С.Ю., фото
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-146807-1

Моим императрицам

BZ

[3-хинуклидинилбензилат]

*когда придет сезон
из леса выйдут боги хмеля и стыда
и уведут тебя с собой
поставят в ведьмин круг грибной
туда где папоротник цвел
где наступает паралич*

1

2000
ИЮЛЬ

Никто в семействе Смирновых и не думал, что приключится такое несчастье. Нет, Женечку всегда считали странненькой — совсем как бабушку, только бабулю так называли тихо и тайком: в конце концов, она работала и вдобавок получала пенсию, а совсем уж сумасшедшие не пашут в баклаборатории полный день и не приносят денег в дом. Про Женю, если случалась какая-то неловкость, мама так и говорила с приторной тоскливой жалостью: «Ну это же Женя». Или добавляла: «Смешная наша». Или: «С чудинкой, но это же не так уж плохо, Женечка, не думай. Зато ты умная». При этом посматривала на Женю краем глаза и просила других «не обращать внимания», хотя обращать внимание было не на что: обычный ребенок, среднее арифметическое всех невыдающихся тихих детей. А уж что Женя устроит потом — какой стыд, какой позор на всю семью, в глаза не посмотришь людям.

Но пока Женя не знает, что же она устроит. Пока Жене шестнадцать, она отдыхает у бабушки на даче, сидит на дубе у калитки и кусает яблоко. Яблоко невыносимо кислое, хуже лимона: зеленоватое, в бородавках парши, размером с младенческий кулачок. Хотя удивляться нечему. На дачных болотистых сотках растет семь старых яблонь, и все они плодоносят совершенно одинаковой кислятиной.

Женя выплевывает откушенный кусок, бросает следом яблоко и остальные высыпает из карманов — те мелкой дробью падают в траву, — устраивается на мягкой от мха развилке меж ветвей. Дуб обнимает ее раздвоенной верхушкой, греет корой. Солнце пробирается через листву яркой мошкой, бежит по носу, ищет глаз. В траве у корней Женя замечает беззвучное движение, серую гибкую спину — соседский кот срезает путь через их участок. Вот он замедлил шаг, прислушался, готовый прыгнуть. Постоял немного, куснул щекотавшую его травинку, пошел дальше. А полуденный зной шуршит, жужжит, стрекочет. Басит шмель, задерживается у руки, будто обнюхивает, и Женя вспоминает, как схватила одного. Хотела погладить полосатое шерстистое брюшко, на вид волшебно мягкое, а шмель ее куснул. Тогда она была маленькой, конечно, но урок усвоила. С тех пор за всем красивым и желанным она наблюдает издалека.

Шмель летит с участка, уносится к остановке и магазину, описав золотистую дугу над головами идущих по дороге.

Наконец приехали.

Тетя Мила как будто и не менялась — немного раздалась вширь, конечно, нарастила плоть, но все еще Клаудия Шиффер с рекламного плаката. Обесцвеченные волосы начесаны в жиденкий полупрозрачный объем, уже опавший. Раскрасневшееся на жаре лицо чуть опустилось, собралось за подбородком вялой складкой, сложилось заломами у рта, все равно красивое — неживой жестокой красотой.

Рядом Даша — тонкая девочка-пружинка младше Жени на три года, мягкий ободок на волосах, за плечами розовый рюкзак. Даша шаркает, поднимая дорожную пыль, и та липнет ей на шлепки, узкие ступни и алые лосины. Илья говорит ей прекратить, но Даша продолжает шаркать, глядит себе под ноги.

Илью единственного не узнать — он очень вырос, стал даже выше тети Милы. Он перешел в одиннадцатый класс, так сказала мама. Широкий в плечах, чуть угловатый, коротко, по-спортивному стриженный. Будто из детского тела, как из куколки, вылутился другой, взрослый человек.

До того Женя почему-то представляла, что придут дети, которых она помнила, которые с легкостью размещались с тетей Милой на чердаке на двух панцирных кроватях, хотя, конечно, она знает, что все выросли, что дети в принципе растут. Но теперь она не понимает: как они все будут жить ближайшие недели, весь тети-Милин отпуск? Теперь ей кажется,

что бабушкин дом стал им всем мал, особенно Илье. Кажется, что он будет цеплять плечами дверные косяки или темной макушкой потолок.

В каждой руке Илья несет по клетчатой тканевой сумке, натянутой изнутри чем-то угловатым. Но он не ставит их на землю, он терпеливо ждет, пока Женя спустится с дерева и отопрет калитку.

— Привет, — говорит тетя Мила. Тушь ее растаяла на солнце, оставила черные засечки под бровями. — Сестра ваша, Женя.

— Ма, мы знакомы, — откликается Илья.

Голос у него шершавый, как дубовая кора, — тоже совсем не тот, что помнится, и Жене вдруг делается неудобно за свой комбинезон с выпачканными землей коленями, за выцветший, слишком обтягивающий топик с Лео, Кейт и носом затонувшего «Титаника». За свое тело, плотное, как батон докторской. Волосы стянуты в хвост — она знает, что ей так не идет, выглядывают «обезьяньи уши», как говорит ей папа. Женя тянется к резинке, но, спохватившись, опускает руку.

— Да, — говорит. — Вы приезжали.

— Ой гос-споди, сколько вам лет-то было, что там можно помнить?

Тетя Мила вручает Жене сумку-мешок из лакированной потрескавшейся кожи и пакет с черным силуэтом женщины в шляпе, под силуэтом подпись: *Marianna*. Она огибает Женю — Илья и Даша следом — и шагает по тропинке к дому, громко описы-

вая, что где устроено на участке: здесь были грядки с морковью, а теперь, смотрите-ка, крапива, заросло все, вот тут мы со Светкой, с вашей теткой, сейчас познакомитесь еще раз, вешали гамак, а там туалет, ходить по всем делам на улицу. Я тут часто отдыхала в вашем возрасте. Комарья было — жуть, здесь всегда столько комаров, помню, лежим мы со Светкой ночью...

Женя тайком заглядывает внутрь пакета с Марианной — вдруг торт к чаю, конфеты или печенье? Лаиля Ильинична, бабушкина подруга, всегда приносит «Птичье молоко». Но в пакете лишь махровое тряпье в цветочек, косметичка и что-то, завернутое в еще один пакет. Наверное, все вкусное — в сумках у Ильи.

А на веранде всех уже встречает папа, спрашивает, как доехали, не устали, и тетя Мила охает и жалуется на духоту в электричке, еле успели на нее, местá заняли на солнечной стороне, но уже было не выбрать, народу много, всё битком, тележки эти, и пьяная морда какая-то села рядом и давай заваливаться на плечо...

Папа кивает, слушая. Завидев Женю, машет ей: быстрее, не тащись.

— Это в дом? — спрашивает Женя о пакете и кожаном лакированном мешке.

— Ну а куда еще? К себе в комнату поставь, — отвечает папа и снова тете Миле с Дашей, улыбаясь: — Проходите, вот тут обувь, вот сюда, на полочку...